

ЗИНАИДА ГИППИУС

СЛОВА,
СЛОВА...

Зинаида Николаевна Гиппиус

Слова, слова...

Аннотация

«В редакции был приемный день.

Уже два раза отворялась боковая дверь в кабинете, и угрюмый лакей с недоверчивым лицом приносил чай для сотрудников. Уже очень давно редактор сидел за своим длинным столом и сосредоточенно разбирал кипу бумаг...»

Содержание

I	4
II	8
III	11
IV	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Зинаида Гиппиус

Слова, слова...

I

В редакции был приемный день.

Уже два раза отворялась боковая дверь в кабинете, и угрюмый лакей с недоверчивым лицом приносил чай для сотрудников. Уже очень давно редактор сидел за своим длинным столом и сосредоточенно разбирал кипу бумаг.

Но он, очевидно, утомился, потому что порою вместо рукописей развлекал свое внимание красивыми и новыми письменными принадлежностями редакторского стола. И чернильница, и пресс-папье, и ножи для разрезыванья листов – действительно были изящны. Главное – их будто нарочно сделали для редакции. Казалось, ни на каком другом столе они не были бы так у места.

Сотрудники и знакомые разместились на стульях у противоположной стены. Неподвижные темные фигуры выделялись на фоне обоев. Изредка слышался шелест перевернутой страницы, вздох или покашливанье.

Молодое и веселое лицо редактора было чинно и значительно. Секретарь что-то вполголоса объяснял посланному из типографии. Пробило половина четвертого. До конца

приема оставалось еще полчаса.

В дальнем углу кабинета, у окна, тихо разговаривали два человека.

– Ну как я рад, что мы с вами объяснились, – сказал один из них. – Я всегда надеялся, что стоит нам только сойтись да поговорить по душе – и все окажется вздором.

– Конечно, я тоже предполагал, что это сплетня, – отвечал другой. – Но согласитесь все-таки, что встречаться мне с вами было неудобно...

Первый, Иван Сергеевич Мансуров, утвердительно и радостно покачал головой. Его доброе круглое лицо так и сияло от восторга. Уж очень он был доволен примирением.

Стоило взглянуть раз на Ивана Сергеевича, чтобы сейчас же понять всю его доброту.

Невысокого роста, полный, еще очень молодой, с редкой черной бородкой и вздернутым носом – он всегда казался счастливым и радостным. У него были детски-приветливые серые глаза и розовые щеки. Говорил он слегка пришепетывая.

Иван Сергеевич не сотрудничал в журнале, но в редакцию ходил нередко. Он с давних пор был в литературных кружках и почти всех писателей считал своими лучшими друзьями.

Сам он с увлечением занимался политической экономией и работал очень много. Кто-то сказал про него: вот человек, все хорошие качества в нем можно предположить – и добр, и нежен, и трудолюбив, но уж таланта никак не заподозришь.

– Всегда мы с вами были друзьями, сколько лет, – продолжал Иван Сергеевич, пожимая руку собеседника. – А тут вдруг шесть месяцев не видались из-за глупости какой-то. У меня за это время сколько перемен! Брошюрку издал, за границу собираюсь...

– Да. Слышал. А как здоровье Наталии Николаевны?

– Спасибо. Вы хоть бы зашли, батюшка... И прежде-то вас, бывало, не затащишь... Я, право, начал думать, что вы против Наталии что-нибудь имеете!..

– Ах, оставьте, просто я был очень занят ту зиму и никуда не выходил, а потом вот эта история... Я к вам зайду.

– Приходите сегодня, а? Никого не будет, поболтаем... И с Наташей получше познакомитесь. Она тоже у меня презастенчивая – новых людей боится.

– Так вы думаете, что я из застенчивости? Чего же мне бояться? – холодно проговорил собеседник.

– Нет, нет, батюшка, это я так сказал, про Наташу... Вы приходите только.

– Ничего, если попозже? У меня до девяти дело есть.

– Когда угодно – мы дома весь вечер. Я вас жду. А теперь пойдемте-ка: поздно уж. Нам до Невского по дороге?

Иван Сергеевич и его собеседник, Дмитрий Николаевич Богданович, подошли проститься с редактором.

Редактор очень любезно и очень долго жал им руки и просил прийти в другой приемный день.

– Так моя новелла идет в следующей книжке, Анатолий

Александрович? – спросил Богданович.

– Да, да, непременно, будьте покойны, я постараюсь, если представится хоть какая-нибудь возможность, мы это устроим. У нас, видите ли, роман теперь большой начинает печататься... госпожи Муриной, некой... Типов, знаете, нет, но персидские нравы удивительно хорошо описаны... Я собственно для нравов...

Редактор точно обрадовался случаю поговорить.

– А с вашей новеллой мы все-таки устроим... Если будет хоть малейшая возможность... Значит, до понедельника, господа? Милости просим, пожалуйста...

II

В начале седьмого часа вечера Богданович вышел из дома и отправился на Васильевский остров. Он торопился, потому что утром получил от Людмилы Васильевны записку такого содержания:

«Мой дорогой, мой лучший и единственный друг, на вас вся моя надежда! Приходите сегодня вечером без четверти семь, не позже, ради Христа, не позже, вы мне необходимы, приходите, от этого зависит многое! Ваша навек Л.».

Богданович, вероятно, торопился бы еще больше, если бы не так хорошо знал Людмилу Васильевну и если бы не получал от нее записок, подобных этой, раза два в неделю. Людмила Васильевна была очень миловидная брюнетка, с виду тихая и кроткая, но на самом деле такая странная, восторженная и чувствительная, что даже Богдановича иногда ставила в тупик.

Он познакомился с нею и с ее мужем год тому назад, открыл в ней талант, и она, под его руководством, сейчас же стала писать новеллы и стихотворения в прозе.

Богданович всегда находил их очень недурными – «поэтичными» – и старался пристроить в какой-нибудь журнал, хотя порою это было и нелегко.

Богданович сам не знал, что привлекает его в Людмиле Васильевне. Как женщина она ему совсем не нравилась.

На все ее восторженные и пылкие речи (она клялась, что «безумно любит его и будет любить до гробовой доски») он отвечал, что весьма привязан к ней, уважает ее талант, но не любит ее.

– Я любить вообще не могу, – прибавлял он грустно и торжественно, – мое сердце – не для любви. Но между нами есть связь прочная и ненарушимая – искусство. Разве это не лучше?

И Людмила Васильевна была довольна. Она так и смотрела на Богдановича, как на человека, неспособного любить, и ровно ничего от него не требовала. Ей было достаточно и своих чувств, очень изменчивых, правда, но зато каждый раз одинаково пылких и сильных.

В один серый и скучный день Богдановичу пришла неожиданная мысль: может быть, его привязывает к Людмиле; Васильевне не желание ей помочь, не талант ее, который он сам же ей приписал, а другое, более эгоистическое чувство?

Она пишет, работает в том же направлении, как и он сам, а между тем ему так ясно, что она никогда не станет его соперницей. Может быть, он невольно сравнивает ее новеллы и фантастические повести со своими и наслаждается сознанием, насколько его вещи лучше?

Эта мысль испугала и раздосадовала его. Он две недели не ходил к Людмиле Васильевне.

Но мало-помалу мысль исчезла, впечатление сгладилось – и прежние отношения установились между учителем и уче-

ницей.

III

«Кто ее знает, – думал Богданович, входя в переднюю. – Может быть, и в самом деле сегодня что-нибудь важное случилось».

Его встретил муж Людмилы Васильевны, молчаливый и робкий чиновник.

– Что, Людмила Васильевна дома?

– Как же-с, милости просим. Только она спит.

– Спит? Зачем спит?

– Да устала, верно, с детишками долго гуляла, так и прилегла после обеда.

– Она здорова?

– Слава Богу. Мне, вы извините, по делу сейчас надо, так я ее разбужу.

– Нет, зачем же, все равно, я в другой раз зайду... Но муж уже ушел.

Богданович остался один и присел в кресло. Меблировка в гостиной была старенькая, но с претензиями. На стульях, в живописном беспорядке, лежали куски желтой материи, занавеси были подобраны небрежно с одной стороны, а на столе тускло горела высокая лампа в японском вкусе.

Людмила Васильевна сама купила эту лампу.

Богдановичу становилось скучно.

«Удивительная женщина! – подумал он. – Умоляла не

опоздать, а сама спит». Портьера тихо приподнялась, и вошла Людмила Васильевна.

Она была одета в какое-то странное турецкое платье с зелеными разводами и длинными рукавами. На лице виднелись следы пудры.

– Ах, это вы, мой друг, – сказала она.

Поздоровавшись, она села в кресло с другой стороны стола и молчала. Богданович тоже молчал. Наконец Людмила Васильевна, еще не совсем проснувшись, сладко зевнула, и Богдановичу стало неприятно.

– Вы меня звали... – сказал он.

– Ах да, друг мой. Мне было так грустно... Мне казалось, что вы никогда больше не придете... Я собиралась к вам сама... Те два стихотворения в прозе... я их кончила...

– Но ничего не случилось?

– Ничего нового... Скажите, недостаточно ли и того, что было прежде? Вы знаете, как я глубоко несчастна...

– Перестаньте, дорогая, – сказал Богданович и пересел ближе к ней. – Разве у вас нет величайшего счастья – искусства? Разве оно не ваше? Работайте...

– О, вы один понимаете, Дмитрий, что такое для меня искусство! – вскричала Людмила Васильевна. – Но я женщина... У меня есть сердце... И оно любит вас, это бедное сердце!

Она вскочила с кресла, схватила руки Богдановича и так смотрела на него, точно не в любви его уверяла, а намерева-

лась задушить собственными руками.

Дмитрий Николаевич тем не менее почувствовал себя необыкновенно приятно.

О своем обожании она говорила ему часто, он знал ее хорошо, и она ему не нравилась, а между тем неизменное чувство удовлетворения и радости приходило к нему при первом слове любви.

Так было у него со всеми. Он не любил новых знакомств – ведь еще неизвестно, как-то к нему отнесутся эти новые люди? И он часто правился женщинам, потому что слишком боялся не понравиться.

Богданович был скорее красив, чем некрасив, – высокий, стройный, с золотистой курчавой бородкой и правильными чертами. Но было что-то отталкивающее в его лице, – и это он знал – что-то хищное, нехорошее. Несмотря на свою аккуратность, тщательно расчесанные пышные волосы и белоснежные воротнички, он всегда казался точно недостаточно умытым, а воротнички недостаточно белоснежными.

– Я вас люблю, поймите!.. – продолжала Людмила Васильевна почти шепотом. – Люблю самой идеальной, самой возвышенной и святой любовью... Я всем готова жертвовать для вас – своею жизнью, жизнью близких. Если б нужно было... да, верь мне... если б нужно было убить моих детей для тебя... я бы их убила!

Она остановилась.

Дмитрий Николаевич слушал, не глядя на нее. Он старал-

ся сделаться равнодушным и повторял про себя: «Сколько раз она это говорила. Скучно! Расстраивает себе нервы, становится на ходули... и все это напускное...»

Но помимо его воли и желания-сладкое, привычное чувство поднималось в душе; он не думал о Людмиле Васильевне, ему было все равно, кто говорит слова любви: но они относятся к нему, его любят, за него готовы отдать жизнь... Слова – но какие дивные! Какие сладкие мечты!

Это продолжалось одну минуту. Богданович опомнился и встал.

– Хороший вы мой человек, – сказал он Людмиле Васильевне и взял ее за руки. – У меня такая бесконечная нежность к вам. Я вас люблю, как свое милое дитя... И разве вы не мое дитя? Разве не я помог вам найти себя? Мы навеки родные... А любовь... Я ее не знаю и, верно, не узнаю никогда...

Он торжественно наклонил свою курчавую голову к рукам Людмилы Васильевны. Чувство умиления и внутренней радости было еще велико – и Богданович прослезился.

IV

Наталья Николаевна шила что-то у лампы, наклонив голову.

Мансуров ходил по комнате.

– Наташа, ангел мой, как я рад, что все так хорошо устроилось! Я всегда любил Богдановича, и мне очень приятно, что ты его приласкала. Как прежде он чуждался тебя, а теперь привык, болтает с тобой, подружились...

Наташа улыбнулась.

– Нет, не понимаю я этой ненависти к людям, – продолжал Иван Сергеевич. – За что, например, Богдановича все не любят? И, главное, прежде всего начинают уверять: я, мол, Богдановича душой люблю, но, между прочим, он вот что и вот что... У, сплетники! Противно мне это лицемерие.

– Да ты не горячись, – сказала Наташа и опять улыбнулась. – Для многих Богданович просто несимпатичен. И я их понимаю, – только надо смотреть глубже. Нельзя поддаваться внешнему впечатлению. Мне жалко этого человека. Я думаю иногда... конечно, трудно сказать, а я боюсь ошибиться... но я думаю, что он не понимает, а что, в сущности, он очень несчастный...

Наташа сказала последние слова тихо и точно про себя. Она опустила работу на колени и задумалась.

– Помилуй, Наташа, чем он несчастен? Молодой человек,

с талантом... Вот всегда у тебя такие странные мысли. Конечно, самолюбивый он, обидчивый немного... Ну да это все авторы. А человек он прекрасный, поверь мне, Наташечка!

– Я верю. Скажи, он только новеллы пишет да стихотворения в прозе?

– Да. Это уж его призвание. Если б ты знала его жизнь! Он ведь и прежде ко мне очень хорошо относился, любил меня больше всех, рассказывал про себя часто. Он был избалованный, изнеженный; мать и теперь в нем души не чает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.